

Доллар и долг США: неизвестные переменные

Смена эпох не может произойти тихо и безболезненно. Нынешний кризис начался с войны России против Украины, но его семена были посеяны во время предыдущей *смены эпох*, ознаменованной схлопыванием империализма СССР. Тогда же началось формирование китайского империализма на Востоке и возрождение европейского империализма на Западе. Оба процесса были поддержаны либеристскими и глобалистскими течениями американского империализма, воплощённого в «Вашингтонском консенсусе». Это были процессы, в которых государственное единство Китая, его огромный резервуар рабочей силы и молодой государственный капитализм стали теми составляющими, которые позволили Дракону, пробудившемуся после 40 лет изоляции, превзойти ЕС по темпам и мощи экономического роста.

Европа, особенно после создания общего рынка и введения единой валюты, была, несомненно, лучше подготовлена к вступлению в эпоху многополярного империализма – за исключением недостаточной политической централизации. С одной стороны, континентальный рынок труда и единое политическое пространство ЕС являются объективным преимуществом нашего класса; с другой – затяжка с оформлением европейского империализма открыла благоприятное окно возможностей для укоренения ленинистских меньшинств в крупнейших метрополиях континента.

Нынешняя смена эпох, характеризующаяся глубоким кризисом трансатлантических отношений и началом гигантского европейского перевооружения по всей оборонительно-наступательной цепи, открывает новую главу в истории европейского империализма и поднимает на новый уровень стратегическую борьбу революционной партии – той, что способна с решительно и убедительно провозгласить интернационалистский лозунг: *«Главный враг – в собственном доме»*.

Соглашения между разбойниками

Начальный шок от хаотичного запуска Белым домом односторонних тарифных ударов сменился растущим недоумением, когда президент США Дональд Трамп начал переговоры с Москвой о судьбе Украины, полностью исключив из диалога Киев и европейские страны. На глазах у всего мира глава Белого дома шантажировал украинское руководство, добиваясь вмешательства в управление их минеральными ресурсами. Дезориентированные американские фондовые рынки отреагировали резкими потерями. Падение капитализации, по данным *The Economist*, достигло почти 5 трлн долл. Особенно поразил аналитиков одновременный обвал курса доллара – редкое явление, ведь в условиях неопределённости американская валюта традиционно укрепляется как самое надёжное финансовое убежище. Слухи о надвигающейся рецессии не обеспокоили Трампа, который счёл её приемлемой жертвой ради лозунга «Сделаем Америку снова великой». Министр финансов Скотт Бессент расценил падение фондового рынка как полезный *«период детоксикации»* после чрезмерного фискального стимулирования. *Wall Street Journal* задавалась вопросом, не придерживается ли исполнительная власть *«ликвидаторского»* подхода, аналогичного печально известной экономической стратегии Эндрю Меллона (министра финансов при президенте Герберте Гувере), который в разгар кризиса 1929 года считал, что экономика должна пройти *«естественную очистку»* от накопившихся искажений.

Европейский центральный банк встревожен. По словам Кристин Лагард, *«у нас повсюду риски, повсюду неопределённость [...], ситуация меняется кардинально день ото дня»*. Непредсказуемость увеличивается. Инфляция может вырасти из-за тарифов, но может и пойти на спад, если они приведут к снижению экспорта из ЕС и перенаправлению избыточных китайских производственных мощностей в Европу.

Современная вульгарная экономия

Хаос, созданный Трампом, породил массу вопросов относительно его намерений: поднимает ли он торговые барьеры, потому что верит, будто таким образом сможет сократить дефицит внешней торговли, или же использует тарифы как рычаг давления в других переговорах? Предпочитает ли он сильный доллар, как в предыдущем десятилетии, или более слабый,

способствующий экспорту и восстановлению торгового баланса? И как он намерен справляться с колоссальным американским государственным долгом?

Политика Трампа не даёт однозначных ответов: он не руководствуется принципом последовательности. Стивен Миран, малоизвестный экономист, работавший политическим советником минфина во время первого срока Трампа, был назначен президентом на пост главы Совета экономических консультантов Белого дома (СЕА) и утверждён Сенатом. Несмотря на его эксцентричность, ряд влиятельных обозревателей считают Мирана надёжным толкователем взглядов Трампа. По мнению Рагурама Раджана, экс-председателя Резервного банка Индии, идеи Мирана, «безусловно, заслуживают большого внимания». Журнал *Le Grand Continent* возвёл его тезисы в ранг «доктрины Мирана». Джиллиан Тетт, ведущий автор *Financial Times*, рисует любопытный портрет: Миран «предлагает ряд идей, которые многих повергнут в ужас и которые немало людей сочтут чистым безумием и противоречием. Но эти идеи обладают внутренней логикой – пусть даже она вам не нравится. И они влияют на то, как администрация воспринимает собственные действия. [...] Все эти идеи – очень спорные. Возможно, они так и не увидят свет».

“Внутренняя логика”, о которой говорит журналист, – это американский экономический национализм и возобновление беспринципного гегемонистского проекта, призванного сплотить ряды верных союзников. Эти тезисы были проиллюстрированы Мираном в ноябре 2024 года в эссе, написанном для глобальной компании по управлению инвестициями Hudson Bay Capital. Давайте рассмотрим основные моменты этой доктрины.

Обновлённая дилемма Триффина

Отправной точкой для Мирана становится знаменитая дилемма бельгийского экономиста Роберта Триффина, суть которой заключается в противоречии между ролью доллара как национальной валюты и его функцией мировой валюты. Чтобы какая-либо валюта могла играть глобальным резервным средством, страна-эмитент должна стабильно превышать свои собственные монетарные потребности, что неизбежно ведёт к хроническому дефициту платёжного баланса. Ещё в 1960 году Триффин настаивал на том, что МВФ должен создать специальный монетарный инструмент, чтобы снять давление с доллара. В конце 1960-х появились специальные права заимствования (SDR), но они так и не сыграли сколько-нибудь заметной роли. Проблема достигла апогея после так называемого “шока Никсона” в 1971 году, когда Вашингтон в одностороннем порядке отменил конвертируемость доллара в золото. Мировой финансовый кризис вновь поставил на повестку дня вопрос о будущем резервной валюты. В конце 2009 года Фред Бергстен, тогдашний директор Института Петерсона, предложил отказаться от «монетарной гегемонии, которая больше не отвечает интересам Соединённых Штатов», и перейти к «множественной монетарной системе».

Миран возвращается к идеям Триффина и хронической переоценке доллара. Такая переоценка наносит ущерб американской промышленности «в пользу финансиализированных секторов экономики». При этом речь вовсе не идёт об отказе от глобальной роли доллара. Действительно, «Трамп пригрозил наказать страны, которые прекратят использовать доллар в качестве резервной валюты». Однако это подразумевает, что США намерены «вернуть себе часть выгод, которые другие страны получают от наших резервов». Это попытка опровергнуть известную формулу «чрезмерной привилегии доллара», вошедшую в обиход в 1960-х годах, согласно которой иностранные государства, использующие доллар как резервную валюту, оказываются в привилегированном положении.

Главный компромисс

Миран утверждает, что ущерб от переоценённого доллара, ослабляющего американский экспорт, «компенсируется геополитическими преимуществами достижения фундаментальных целей национальной безопасности при минимальных затратах – за счёт финансовой экстерриториальности». Экстерриториальность «позволяет Америке осуществлять свою волю во внешней политике и сфере безопасности, используя финансовую, а не кинетическую силу», то есть заменяя военную мощь действием санкций – то, чего прежние эмитенты резервных валют добивались за счёт морского превосходства.

Переплетение резервного статуса доллара и национальной безопасности представляет собой «главный компромисс» в монетарных отношениях.

Однако этот «баланс» и «компромисс», о которых только что говорилось, немедленно ставятся под сомнение, поскольку *«президент Трамп видит, что другие страны получают преимущества от Америки как в обороне, так и в торговле одновременно: оборонный зонтик и наши торговые дефициты связаны через валюту»*. В роли толкователя Трампа Миран оправдывает снижение статуса экстерриториальности и оборонного зонтика – с актива до бремени для американской гегемонии. Он утверждает, что растущий дефицит текущего счёта и ослабление производства всё больше затрудняют для Америки обеспечение глобальной безопасности.

Тарифные стены

Автор считает тарифы *«инструментом переговоров»*. Структурное преимущество США в таком противостоянии заключается в их более закрытой экономике: объём двустороннего экспорта почти всегда оказывается ниже объёма импорта. Цели возможных переговоров с Китаем под давлением тарифов упоминаются лишь гипотетически: американское правительство могло бы потребовать открытия определённых рынков для американских компаний, прекращения или возмещения кражи интеллектуальной собственности, закупок сельскохозяйственного сырья, повышения курса китайской валюты.

Миран излагает подход министра финансов Скотта Бессента к тарифной политике. Тот стремится классифицировать страны в зависимости от их валютной политики, двусторонних торговых соглашений и договорённостей в сфере безопасности. Сам Миран предлагает список из примерно десяти критериев, по которым можно определить степень близости того или иного государства к США: взаимность тарифов, взаимность торговой открытости, уважение интеллектуальной собственности, политика в отношении Китая, выполнение обязательств перед НАТО, соблюдение санкций, введённых Соединёнными Штатами, и т. д. По словам Мирана, идея Бессента состоит в том, чтобы *«сегментировать международную экономику на зоны, основанные на общих системах экономики и безопасности [...] страны, которые хотя и находятся под зонтиком обороны, должны также находиться под зонтиком справедливой торговли»*. В глазах МВФ, который на протяжении многих лет осуждает риски фрагментации мирового рынка, это выглядит абсурдно. Тарифы будут использоваться *«для оказания давления на другие страны с целью заставить их присоединиться к нашим тарифам против Китая; глобальная тарифная стена вокруг Китая усилит давление с целью реформирования его экономической системы»*. Что касается стран, которые решат не следовать этому примеру и сохранить собственную политику в отношении Китая, им придётся столкнуться с повышенными тарифами со стороны США.

Соглашение Мар-а-Лаго

Суть предложений Мирана и Трампа сводится к проведению саммита по образцу Соглашения “Плаза” 1985 года для разработки *«многостороннего валютного соглашения XXI века»*. Президент потребует от других стран помочь оплатить “зонтик безопасности”, который США предоставляют глобальной финансовой системе, а также содействовать ослаблению доллара, чтобы создать рабочие места в промышленности Америки – за счёт перекачивания ресурсов из остального мира. Участникам соглашения придётся продать свои долларовые активы, чтобы ревальвировать собственные валюты, и обменять имеющиеся у них казначейские облигации США на низкодоходные долговые бумаги с ультрадолгим сроком погашения (вековые облигации). Это означало бы колоссальную реструктуризацию валового долга США, составляющего 120 % ВВП страны. Основная тяжесть такой операции легла бы на страны Азии и Среднего Востока – крупнейших держателей ликвидных долларовых резервов: Китай с официальными резервами в размере 3 трлн долл., Японию с 1,2 трлн, Индию с 600 млрд, Тайвань с 560 млрд, Корею с 420 млрд, Сингапур с 350 млрд, Саудовскую Аравию с 450 млрд. Для сравнения: на долю еврозоны приходится 280 млрд, а у Швейцарии – около 800 млрд долларов.

Тем, кто откажется участвовать в такой схеме, Миран предлагает вмешательство Министерства финансов на основании “Economic Powers Act” 1977 года, который

предоставляет президенту широкие полномочия в отношении международных транзакций, в том числе введение налога на использование доллара для официальных иностранных держателей резервов.

По мнению Бертиля Байяра из *Le Figaro*, беспрецедентная тактика, предложенная Мираном, несёт в себе огромный риск дестабилизации мировой финансовой системы. Два высокопоставленных чиновника США – бывший глава отдела международных финансов ФРС Стивен Камин и бывший глава отдела международных финансов Министерства финансов Марк Собел – в письме в *Financial Times* рассматривают предлагаемое соглашение как план «переворота мировой валютной системы: мы можем только надеяться, что это останется пустой болтовнёй». Наиболее меткое возражение высказывает Мартин Вулф: «Способна ли эта администрация заключить сделку, которой смогут доверять любой здравомыслящий человек или страна? Я не верю».

Март 2025 г.